

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ТРУДАХ А. ГРАМШИ

Труды крупнейшего итальянского теоретика-марксиста Антонио Грамши (1891—1937) содержат специальные разделы и многочисленные «заметки», посвященные вопросам лингвистики и представляющие большой интерес для марксистского языкознания. Они являются ярким и ценным документом борьбы против идеалистических концепций буржуазной лингвистики, за марксистский подход к изучению сущности и общественной функции языка. Особенно большое методологическое и теоретическое значение имеет постановка проблемы формирования и развития итальянского национального языка в так называемых «Тюремных тетрадах» (1929—1935)¹, которые составляют основную, наиболее значительную часть теоретического наследства Грамши.

В настоящее время вопрос о том, как складывались и развивались лингвистические взгляды Грамши, не может быть освещен с необходимой полнотой. Ранние лингвистические работы Грамши пока еще не изданы и, возможно, еще не все собраны. Так обстоит дело, например, с его письмами, содержащими заметки о значениях отдельных слов сардинского языка в различных районах провинции², о которых говорил П. Тольятти в своем выступлении в Туринском университете в 1949 г.³ Неизвестна судьба работы, посвященной «вопросу о языке, как он был поставлен Мандзони» (написана около 1920 г.); Грамши упоминает о ней в одном из писем тюремного периода⁴.

Однако в нашем распоряжении уже теперь имеется большой материал, притом относящийся к наиболее зрелому периоду деятельности Грамши-теоретика. Этот материал содержится в упомянутых «Тюремных тетрадах», которые были изданы Итальянской компартией в 1948—1951 гг. в 6 томах: «Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче», «Интеллигенция и культурное строительство», «Рисорджименто», «Заметкио Макьявелли, о политике и о современном государстве», «Литература и национальная жизнь», «Прошлое и настоящее»⁵. В каждом из этих томов имеются лингвистические рубрики и отдельные «заметки», но особенный интерес в этом отношении представляют работы «Интеллигенция и культурное строительство», «Рисорджименто» и «Литература и национальная жизнь». Последняя имеет специальные разделы: «Национальный язык и грамматика», «Заметки для введения в изучение грамматики» и «Лингвистика».

Опираясь на марксистско-ленинское учение об обществе, Грамши разработал в своих «Тюремных тетрадах» в сжатом, синтетическом виде новую концепцию истории Италии, в частности истории формирования итальянской нации. Проблема развития итальянского национального языка, которую Грамши исследовал во всеоружии специальных знаний, является частью этой концепции. Труд филолога соединяется здесь

¹ В 1926 г. Грамши был арестован фашистским правительством и отправлен в ссылку, а позже—приведен к тюремному заключению, которое продлилось десять лет. См. Л. Ломбардо-Падиче и Дж. Карбоне, Жизнь Антонио Грамши (Биографический очерк) [перевод с итальянского], М., 1953.

² Грамши считал сардинский самостоятельным романским языком: «Сардинский—не диалект, а самостоятельный язык, хотя он и не имеет большой литературы» (Письмо тюремного периода от 26 марта 1927 г., опубли. в журн. «Vie Nuove» 31 октября 1948 г.).

³ «Unità di pensiero e di azione nella vita di Antonio Gramsci», «Unità» 1 V 49 (ed. piemontese).

⁴ Сб. «Lettere dal carcere», Torino, Einaudi, 1948, стр. 103.

⁵ Opere di Antonio Gramsci, Torino, Einaudi, vv. 2—7: «Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce», 1948; 2-e ed.—1949; «Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura», 1949; 3-e ed.—1950; «Il Risorgimento», 1949; ?-e ed.—1950; «Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno», 1949; «Letteratura e vita nazionale», 1950; «Passato e presente», 1951. [Первый том — «Lettere dal carcere» («Письма из тюрьмы»), 1947; 6-e ed.—1950].

с трудом историка, и новая постановка проблемы итальянского национального языка получает одновременно новую историческую базу для ее дальнейшей разработки. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо.

Естественно, что проблема итальянского языка, как она трактуется у Грамши, не может быть правильно понята без предварительного изучения и раскрытия всей концепции истории Италии, разработанной в «Тюремных тетрадах». Нельзя сказать, чтобы содержание «Тюремных тетрадей», в частности историографическая концепция Грамши, получило полное, всестороннее и связное освещение. Но в настоящее время ведется большая исследовательская работа, центром которой в Италии является Институт Грамши (Fondazione Gramsci) в Риме, основанный Итальянской компартией. Работы П. Тольятти, Э. Серени, Ф. Платоне, Г. Манакорда, К. Салинари и других, опубликованные в коммунистических журналах «Ринашита», «Сочьета», в газете «Унита» и других изданиях, раскрывают и развивают дальше проблемы, поставленные в «Тюремных тетрадах». Благодаря этому уже теперь имеется возможность выделить собственно лингвистическую часть теоретических работ Грамши в качестве темы для специального исследования.

Грамши получил специальную филологическую подготовку в Туринском университете (1911—1915), где с 1907 г. преподавал проф. Маттео Бартоли, известный своими работами по истории романских и славянских языков (южной группы). В условиях, когда в итальянском языкознании еще господствовали концепции младограмматиков, отрицавших историческую обусловленность фонетических изменений и на этом основании превращавших языкознание в естественную науку, Бартоли выступил как поборник сравнительно-исторического метода. Он настойчиво искал новые приемы сравнительно-исторического изучения языков. Увязывая лексические и грамматические изменения в истории языков с данными фонетических изменений, исследуя закономерность этих последних, он установил родственный «закону Вернера», но особый фонетический закон, помогающий раскрыть отдельные вопросы этимологии и морфологии в индоевропейских языках. Данные лингвистической географии он стремился использовать для изучения истории языка. Подводя итоги своей работы в «Очерках пространственной лингвистики» (1945), Бартоли оценивал установленные им «нормы распространения» (*norme spaziali*) «только как средство для нахождения хронологического соотношения между двумя или несколькими лингвистическими фазами». Он отмечал при этом, что «хронология, конечно, еще не есть история, но лишь ступенька, которая ведет к истории»⁶. Бартоли выступал от лица нового направления в итальянском языкознании — так называемых «неолингвистов», хотя он занимал среди них, как это показывал Грамши, особое место.

Грамши-студент сумел оценить значение лингвистических исканий Бартоли, его борьбу за восстановление в правах сравнительно-исторического метода и, естественно, держал сторону этого ученого. Впоследствии он писал в «Тюремных тетрадах»: «Нововведение Бартоли состоит именно в том, что лингвистику, которая воспринималась скудно как естественная наука, он сделал наукой исторической, корни которой следует искать „во времени и пространстве“, а не в речевом аппарате, понимаемом физиологически»⁷. Именно методологические заслуги Бартоли Грамши считал особенно ценными. Со своей стороны, Бартоли возлагал большие надежды на молодого талантливого лингвиста, видя в нем поборника нового (тогда еще недостаточно дифференцировавшегося) направления, который должен был обеспечить окончательную победу неолингвистике и закрепить ее положение в итальянском языкознании. Однако в то время Грамши не мог всецело отдаться лингвистическим занятиям и полемике с неограмматиками. В последние годы учения в университете он все больше втягивался в рабочее движение и усиленно занимался историей, философией, политэкономией. Много лет спустя он вспоминал о несбывшихся надеждах своего учителя в несколько шутливым тоне: «Одно из величайших интеллектуальных „угрызений“ моей жизни состоит в глубоком огорчении, которое я доставил моему доброму профессору Бартоли из Туринского университета, убежденному, что я и есть тот архангел, который призван окончательно по-с р а м и т ь „неограмматиков“...»⁸.

Эти слова относятся к 1927 году, когда Грамши, находясь в фашистской тюрьме, намечает обширный план теоретических работ, в который входило и специальное исследование по сравнительному языкознанию. «Естественно, — отмечал он в одном из писем, — что здесь речь может идти только о методологической и чисто теоретической стороне предмета, которая еще не была изложена сколько-нибудь систематически и

⁶ M. Bartoli, *Saggi di linguistica spaziale*, Torino, 1945, стр. VIII.

⁷ «Letteratura e vita nazionale», стр. 207.

⁸ «Lettere dal carcere», 2-e ed., 1948, стр. 27.

полно с новой точки зрения — с точки зрения неолингвистов против неограмматиков⁹. Это замечание касалось не только условий, в которых Грамши приходилось работать; оно показывает вместе с тем, что Грамши в первую очередь интересовали вопросы метода.

В годы заключения Грамши проделал огромную работу, несмотря на то, что его здоровье было окончательно подорвано фашистскими тюрьмами. Но ему не удалось полностью реализовать лингвистическую часть своего плана, хотя, с другой стороны, он дал не предусмотренную этим планом новую постановку проблемы развития итальянского национального языка. То, что было им сделано в соответствии с планом, показывает, что замысел Грамши не мог сводиться к той задаче, которую некогда ставил перед одаренным студентом проф. Бартоли. Здесь речь могла идти лишь отчасти о выполнении старого «долга». В исследовании Грамши центр тяжести должен был лежать, как это видно из отдельных подготовительных «заметок», на марксистской разработке методологических вопросов языкознания. Задача «посрамления» неограмматиков в значительной степени утратила свою актуальность в период создания «Тюремных тетрадей». С тех пор, когда она была поставлена Бартоли перед Грамши, прошло много лет и положение в итальянском языкознании изменилось. Началась дифференциация среди самих неолингвистов, большинство их встало на идеалистические позиции и так или иначе порвало с принципом историзма в языкознании. С другой стороны, пройденные годы были наиболее значительным периодом в формировании философских взглядов самого Грамши, что не могло не отразиться и на его лингвистических позициях. Активно участвуя в революционном движении итальянского пролетариата, Грамши после Великой Октябрьской социалистической революции становится «первым подлинным, полноценным, последовательным марксистом в Италии» (Тольятти)¹⁰. Лингвистические взгляды Грамши в этот период развивались по линии установления связей истории языка с развитием общества, с историей мышления. «Для него, — говорит Тольятти о Грамши, — история каждого слова и каждого слога неизбежно становилась историей мышления, — только так мог он понимать языкознание. Поэтому, когда он рассказывал нам об особенностях диалекта того или иного города или области Италии, ему удавалось оживить перед нами всю историческую эпоху, всю социальную среду»¹¹.

Грамши-марксист ясно представлял себе не только порочность лингвистических концепций неограмматиков, но и ограниченность «возрождаемого» отдельными неолингвистами типа Бартоли сравнительно-исторического метода в том виде, как он был тогда разработан. Тем более он хорошо понимал, какой вред наносят итальянскому языкознанию неолингвисты, сменившие позитивизм на новейшие формы идеалистической ма. Поэтому, разрабатывая методологические вопросы языкознания, Грамши подвергает критическому разбору не столько теории неограмматиков, сколько концепции реакционной части неолингвистов, так называемых «идеалистов». Эти последние в значительной степени были повинны в том, что в Италии 30-х годов, по словам Грамши, «все еще не была найдена база, на которой должны основываться лингвистические исследования». Многие итальянские неолингвисты возрождали давно уже отжившие свой век риторические теории «красивых» и «грубых» слов, «поэтических» и «непоэтических» языков, создавали индивидуалистические теории происхождения и развития языка, производные этимологические концепции, требовали изучения языка как «физического явления», возвращаясь, таким образом, назад к младограмматикам. Испытывая одновременно влияние эстетики Кроче и его теории отождествления искусства и языка, они занимались исключительно экспрессивной функцией языка, идеалистически связывая ее с «духовным творчеством» отдельных лиц (аналогичные взгляды немецкого нефилолога К. Фосслера восходят к тому же источнику — крочеанской эстетике). Все это так или иначе вело к игнорированию общественной природы языка и его основной — коммуникативной — функции. Вместе с тем из языкознания изгонялся принцип историзма.

Естественно, что вопросы метода, исследовательских приемов в языкознании приобретали в этих условиях особое значение. Поэтому они и стоят в центре лингвистических «заметок» Грамши. В этом отношении очень показательна содержащаяся в «Тюремных тетрадях» критика сенсационных «открытий» известного полиглота Альфредо Тромбетти. Решая вопрос о генеалогии этрусского языка, Тромбетти почти отождествлял этот язык с одним из «азиатических» языков — эламским, сблизив одновременно и тот и другой с кавказскими языками. Он утверждал, что этрусский язык вместе с другими мертвыми «азиатическими» и так называемыми доэллинскими языками является промежуточным между кавказской и индоевропейской группой, с большей степенью близости к этой последней (Тромбетти претендовал на расшифровку за-

⁹ «Lettere dal carcere», 2-e ed., стр. 27.

¹⁰ См. «Итальянская коммунистическая партия. Краткий исторический очерк» [перевод с итальянского], М., 1951, стр. 75.

¹¹ «Unità di pensiero e di azione nella vita di Antonio Gramsci», «Unità» 1 V 49.

гадочных этрусских надписей). «Открытия» Тромбетти предполагали признание заморского происхождения этрусков, что опровергается многими авторитетными учеными, сторонниками «трансальпийской» теории, и поэтому с этнографической точки зрения были более чем проблематичными. С лингвистической точки зрения они совершенно не выдерживали критики. Несостоятельность доводов Тромбетти была очень показательна, так как она была непосредственно связана с тенденцией игнорирования исследовательскими приемами сравнительно-исторического языкознания, возникшей среди неолингвистов-«идеалистов».

Именно в связи с критикой «открытий» Тромбетти, этого «потрясающего полiglота, но не лингвиста», Грамши делает замечание о значении метода в научно-исследовательской работе. «В науках вообще,— пишет Грамши,— метод является самым главным. В тех же науках, которые должны по необходимости базироваться на ограниченном запасе положительных данных, ограниченном и неоднородном¹², вопросы метода становятся еще более значительными, если не решительно всем. При наличии некоторой фантазии не составляет особенного труда строить одну гипотезу за другой, придавая определенной доктрине внешний блеск логичности. Однако критика такого рода гипотез опрокидывает весь этот картонный домик и вскрывает пустоту под внешним блеском»¹³.

Критикуя Тромбетти, Грамши подчеркивал значение сравнительно-исторического метода для развития языкознания. Гипотезы Тромбетти оказались несостоятельными потому, что он игнорировал основные требования этого метода. Исходя из ложной теории языкового моногенизма как результата «моногогенизма человечества с Адамом и Евой в качестве предков» (этим он снижал себе поддержку католической церкви), Тромбетти произвольно сближал языки различных систем друг с другом, только на основании наличия в них сходных по звучанию слов. Соображения морфологического порядка, имеющие определяющее значение, не принимались им во внимание, так же как и данные фонетических изменений. Его не смущало то, что сопоставляемые слова принадлежали к различным фазам в развитии сравниваемых языков. Данные внешнего созвучия слов у Тромбетти подкреплялись лишь законом функциональной семантики. «Я вспоминаю,— пишет Грамши,— в высшей степени забавный пример с ариосвропейским глаголом движения, сравниваемым с одним словом из азиатского диалекта, которое обозначает „пуп“. Согласно Тромбетти, они должны были соответствовать друг другу на том основании, что „пуп“ непрерывно „движется“ при дыхании!»¹⁴. Бездоказательность и бесплодность «изысканий» Тромбетти в настоящее время является общепризнанной¹⁵.

Грамши выступал как защитник сравнительно-исторического метода, но принцип историзма в языкознании он понимал шире и глубже, чем итальянские языковеды-компаративисты новой школы. Грамши добивался увязывания проблем развития языка с историей общества, историей мышления. В «Тюремных тетрадах» мы находим критику антиисторического подхода некоторых итальянских неолингвистов к проблемам семантики, что проявлялось, в частности, в вопросе о «метафоричности» языка («эстетические» концепции воинствующего неолингвиста Джулио Бертони и др.).

Грамши показывает, что использование старых слов для обозначения новых явлений или понятий не является произвольным, так же как оно не является и актом эстетического отбора. Оно определяется связью языка с историей мышления, с историей культуры. «Никакая новая историческая ситуация,— пишет Грамши,— если даже она вызвана самыми радикальными переменами, не может полностью изменить язык, по крайней мере в его внешнем, формальном аспекте»¹⁶. Словарный состав языка развивается и обогащается не только за счет пополнения новыми словами, но также и за счет того, что часть старых слов получает новые значения и используется, таким образом, «метафорически». «История семантики,— пишет Грамши,— есть аспект истории культуры: язык представляет собой в одно и то же время и нечто живое и музей древностей жизни и цивилизации. Когда я употребляю слово *disastro*¹⁷, это еще не дает основания приписывать мне астрологические суеверия, и если я говорю *per Vacco*¹⁸, —никто не станет считать меня поклонником языческих богов, и тем не менее эти выражения свидетельствуют о том, что современная цивилизация развилась также из язычества и астрологии»¹⁹.

¹² Речь идет в данном случае об этрусском и других мертвых языках.

¹³ «Gli intellettuali...», 1949, стр. 189—190.

¹⁴ Там же, стр. 192.

¹⁵ См., например, А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 227.

¹⁶ «Il materialismo storico...», 1948, стр. 149.

¹⁷ Итал. «несчастье», «бедствие», «крушение» (от лат. *dis*+*astrum* «несчастливая звезда», астрологич. терминология).

¹⁸ Итал. «черт возьми!»

¹⁹ «Il materialismo storico...», 1948, стр. 146.

Итальянские философы-прагматисты усматривали в «метафорическом» употреблении слов доказательство распылчатости, неточности общеупотребительного, общенародного языка. В полном соответствии со своей субъективно-идеалистической философией «чистого действия», игнорирующей законы исторического развития, прагматисты (Преццолини, Вильфредо Парето) создали лженаучную теорию «языка как источника ошибок». Они призывали к организации похода против «традиционного» словаря, во имя создания «чистого», «математически точного языка». Грамши показал, что «теория» прагматистов была другим проявлением антиисторического подхода к вопросу о «метафоричности» языка²⁰. Деятельность прагматистов была направлена против общенародного языка и практически должна была вылиться в создание особого жаргона. Такого рода «новаторство» Грамши именует «неолализмом» — термином, которым в психиатрии обозначают патологическое «словотворчество» душевнобольных. Грамши настойчиво боролся со всякого рода произвольными новообразованиями в языке, идущими вразрез с исторической традицией, ограничивающими и подрывающими коммуникативные возможности языка как средства общения всего народа.

Отстаивая общенародные нормы, всемерно подчеркивая значение коммуникативной функции языка, Грамши одновременно ставил вопрос и о соотношении «общенародного» и «индивидуального» в языке. Каждый индивид, писал он, является «отражением и интерпретатором» национального языка. «Индивидуальное» не может быть произвольным, напротив, оно должно опираться на богатство выразительных возможностей общенародного языка. Только в этом случае оно будет действительно ценным и сможет оказать обратное плодотворное воздействие на обогативший его источник. Целый ряд «заметок» показывает, что Грамши считал очень важным и необходимым изучение «индивидуального» в языке отдельных писателей, но лишь в его отношении к «общенародному». Так, он писал по поводу работы Эрико Сикарди «Итальянский язык у Данте»: «Не знаю, насколько точно все то, о чем пишет Сикарди²¹, в частности, насколько возможно „историческое“ изучение „частных“ языков отдельных писателей — ввиду отсутствия существенной документации — широких свидетельств разговорного языка тех периодов, к которым принадлежат эти писатели. Однако то, к чему призывает Сикарди, методологически правильно и необходимо...»²².

С позиций такого понимания соотношения «индивидуального» и «общенародного» в языке, Грамши выступает против разработанной Кроче и воспринятой неолингвистами-«идеалистами» идеалистической теории отождествления языка и искусства (согласно этой теории, основным в развитии языка оказывалось «языкотворчество» отдельных индивидов — художников слова).

«Отождествление искусства и языка, сделанное Кроче, — пишет Грамши, — обусловило известное продвижение вперед, позволило разрешить одни проблемы и объявить несуществующими и произвольными другие, но перед лингвистами, которые по самой своей сущности являются историками, встала другая проблема: возможна ли история языков вне истории искусства? а также: возможна ли история искусства? Ведь лингвисты изучают языки не как искусство, а как „материал“ искусства, как общественный продукт, как выражение культуры определенного народа и т. д.»²³. Неолингвисты-кроччанцы не только не ставили проблем истории языка, но фактически делали все возможное, чтобы помешать постановке этих проблем, отрывая язык от его творца и носителя — народа. В этом отношении особенной активностью отличался Джулио Бертони, профессор романской филологии в Римском университете, основатель и руководитель журнала «Archivum romanicum». В его работах «идеалистическая тенденция нашла свое наиболее полное выражение», и поэтому Грамши избирает Бертони главным объектом своей критики, направленной против итальянских языковедов-«идеалистов». Характеризуя философские позиции Бертони, Грамши отмечает, что здесь речь идет о позитивисте, «который испытывает умиление перед идеализмом, ибо этот последний является более модным и позволяет упражняться в риторике»²⁴.

Возрождая старые предрассудки (этимологические построения типа «sol quia solus est», разделение слов и языков на «красивые» и «грубые», «культурные» и «варварские»), — это как раз и была та риторика, в которой позволяла упражняться идеалистическая философия!), Бертони выступил в то же время как приверженец кроччанской эстетики, хотя, как отмечает Грамши, он не вполне разобрался в ней. Кроче и его ученики приветствовали появление в свет работ Бертони: они были заинтересованы

²⁰ Критика итальянских прагматистов в «Историческом материализме» Грамши может быть распространена на так называемых «семантиков» в зарубежном реакционном языкознании последнего времени, которые также требуют «критики» языка и ратуют за создание «математического» языка («кибернетика» в США).

²¹ Грамши смог познакомиться только с основными положениями работы, по рецензии.

²² «Letteratura e vita nazionale», стр. 210.

²³ Там же, стр. 209.

²⁴ Там же, стр. 207.

в распространении новых форм идеалистической философии «на ту область знания, где безраздельно господствовал позитивизм». Они поддерживали Бертони и тогда, когда он настаивал на «натуралистическом» изучении языков, так как подлинным намерением Бертони было затуманить общественную природу языка и увести языковедение в сторону от изучения языка как общественного явления. В работе «Литература и национальная жизнь» Грамши вскрывает эту тенденцию, подчеркивая одновременно, что языковедение является не естественно-исторической, а общественно-исторической наукой. «Что значит оправдание того, что Бертони производит „натуралистический анализ языков как явления физического и как явления социального?“ — писал Грамши, имея в виду „адвокатскую“ услужливость крочанцев. — Как явления физического? Что это значит? Что и человек должен изучаться не только как элемент политической истории, но и как явление биологическое? Что необходимо также и химический анализ произведений живописи? Что было бы полезно установить, скольких механических усилий стоило Микельанджело изваять „Моисей“?»²⁵.

Кроче и Бертони отрывали историю языка от истории общества, и это проявлялось с особой наглядностью в их отношении к так называемому «вопросу о языке», т. е. к проблеме развития общности языка в Италии в период образования итальянской нации. Полемизируя с известным итальянским писателем и филологом Алессандро Манцони, который в 40—60-х годах XIX в. дал во многих отношениях правильную и плодотворную постановку проблемы единства языка, Кроче заявил: «...проблема единства языка является несуществующей проблемой; нет ничего общего между понятием языка и понятием единства... Напротив, существует соотношение между языком и искусством. Вопрос сводится не к единству, но к красоте, и поэтому он неразрешим с помощью норм материального характера»²⁶. По Бертони, единство, общность языка достигаются также не в результате поглощения местных диалектов национальным языком и распространения общенациональных норм, обусловленных процессом складывания нации в обстановке экономической и политической концентрации, а путем совершенствования языка «изящной словесности» отдельными поэтами и писателями. «С этой точки зрения, — писал Бертони, — стоит только достигнуть высот искусства или красоты, как проблему единства можно считать решенной»²⁷.

Вопрос о развитии общности языка в Италии стоял и стоит очень остро ввиду того, что формирование итальянской нации, как показывает Грамши, «шло слишком медленным темпом»²⁸. Крочанцы не могли и не хотели видеть этого. Их позиция мешала правильной постановке «вопроса о языке» в современном итальянском языковедении, правильному пониманию общественного значения этого вопроса. Тем большую ценность приобрела та критика взглядов неолингвистов-крочанцев, которая содержится в «Тюремных тетрадах» Грамши. «История языков, — писал Грамши, — есть история лингвистических новообразований, но эти новообразования являются не индивидуальными (как в искусстве), а принадлежат всему социальному коллективу, который обновил свою культуру, который „прогрессировал“ исторически...»²⁹. Только на такой основе мог быть правильно поставлен «вопрос о языке».

Для Грамши проблема единства языка состояла в распространении общенациональных норм исторически развивающейся устной народной речи, в закреплении этих норм в литературе, в сближении литературного языка с национальным. Показателем общности, единства языка для него была степень общенародности литературного языка, его близость к живой народной речи как питательному источнику, сила его воздействия на диалекты, постепенно теряющие свою самобытность и растворяющиеся в едином национальном языке. «Когда говорится, — пишет Грамши, — что литературный язык обладает большим богатством выразительных средств, то утверждается нечто, имеющее двойной смысл: смешивается „возможное“ богатство средств выражения, зарегистрированное в словаре или лежащее мертвым грузом у „авторов“, с индивидуальным богатством, с тем, которое может лично расходовать каждый индивид. Но именно это последнее является единственно реальным и конкретным богатством, и только по нему можно измерить степень национального единства языка, данную живой устной речью народа, степень национализации языкового достояния»³⁰.

Кроче и Бертони, объявившие проблему единства языка «неразрешимой с помощью норм материального характера», принимали «возможное» богатство за действительное. Поэтому картина общности языка в Италии представлялась им в ложном свете. Бертони, например, был даже склонен несколько идеализировать сложившееся в Италии положение, при котором диалекты (очень многочисленные) все еще продолжают сохра-

²⁵ Там же, стр. 208.

²⁶ Цит. по кн. S. G e n n a r o «Manzoni linguista» (Paternò, 1947), стр. 89.

²⁷ «Lingua e cultura», Firenze, 1932, стр. 52.

²⁸ «Letteratura e vita nazionale», стр. 209.

²⁹ Там же, стр. 210.

³⁰ Там же, стр. 138.

нять большую степень самобытности³¹. Грамши, применяя свой критерий общности языка, дает реальную картину степени национализации языкового достояния Италии. «В Италии, — пишет, он, — существует много „народных“ языков — областных диалектов, обычно употребляющихся в обиходном разговоре, в котором находят выражение наиболее распространенные чувства и эмоции»³².

Итальянский литературный язык в недостаточной степени питается устной диалектной речью и, с другой стороны, в силу низкого уровня культуры, большого процента неграмотности, сам слабо воздействует на диалектную речь; закрепленные им общенациональные нормы не становятся «индивидуальным богатством», т. е. не получают повсеместного распространения в устной речи широких народных масс. Более того, в Италии наблюдается сильное влияние диалектов на письменный язык, и именно в тех его областях, в которых влияние диалектов является нежелательным и даже вредным для развития литературного языка — в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Грамши отмечает, что утверждение лингвиста Креме о том, что в Италии нет «современного языка», правильно в том смысле, что: 1) не существует концентрации унифицированного образованного класса, члены которого „всегда“ писали и говорили бы на едином „живом“ языке, т. е. распространенном равным образом во всех социальных слоях и областных группах страны; 2) что поэтому между образованным классом и народом существует заметный разрыв: языком народа все еще является диалект, подкрепленный итальянизированным жаргоном, являющимся в большей своей части механически переведенным диалектом. Существует, кроме того, сильное влияние различных диалектов на письменный язык, поскольку и так называемый образованный класс говорит на национальном языке только в известных случаях и на диалектах — в обиходной устной речи, т. е. в той, которая является более живой и более связанной с непосредственной действительностью. Противдействие же диалектам, с другой стороны, происходит таким образом, что национальный язык продолжает одновременно оставаться несколько окаменевшим и застывшим, и когда он хочет стать разговорным языком, то разбивается на многочисленные диалектные отражения. Кроме тона речи (*cursus* — это музыка периода), характеризующего различные области, влияние испытывают лексика, морфология и в особенности синтаксис»³³.

Для итальянского языка характерна большая степень самобытности диалектов, которые подчас очень далеки от общенациональных норм литературного языка. Грамши подчеркивает это расхождение, сравнивая итальянский язык с французским, для которого характерен процесс нивелировки диалектных особенностей. В Италии, напротив, отдельные диалекты порой настолько далеки друг от друга, что житель одной области с трудом понимает или вообще не понимает жителя другой. В повести итальянской писательницы Ренаты Вигано «*Agnese va a morire*» есть очень показательная в этом отношении сцена: героиня романа, жительница Эмили (эмильянский диалект, входящий в галло-итальянскую группу), не может понять того, что говорит ей апулиец (южная группа итальянских диалектов). «Этот говор, частый, напевный, — отмечает писательница, — всегда был непонятен ей, как чужой язык»³⁴.

В провинциях Италии процесс распространения общенациональных норм в устной речи идет недостаточно интенсивно. Усваиваясь отчасти через печать, эти нормы не закрепляются повседневной речевой практикой и начинают бытовать в искаженной форме, что приводит, по выражению Грамши, к образованию «итальянизированного жаргона». Этот «жаргон» является показателем слабой степени национализации языкового достояния в Италии, недостаточного распространения норм общенационального языка в устной речи народа.

Недостаточная степень «национализации языкового достояния», устойчивость местных диалектов отрицательно сказываются на развитии социальной жизни. Единый национальный язык как орудие борьбы и развития общества имеет огромные преимущества перед диалектом. «Кто говорит на диалекте, — пишет Грамши, — или понимает национальный язык в недостаточной степени, тот неизбежно будет связан с мироощущением более или менее ограниченным и провинциальным, косным, анахронистическим в сравнении с великими течениями мысли, которые управляют мировой историей... Если не всегда имеется возможность изучить несколько иностранных языков для того, чтобы познакомиться с различными культурами, то во всяком случае необходимо хорошо изучить национальный язык. Великая культура может быть переведена на язык другой великой культуры... Но на диалекте этого сделать нельзя»³⁵.

Грамши связывает «вопрос о языке» с потребностями поступательного исторического развития итальянского общества. В этом плане он рассматривает и историю развития общности языка в Италии, исследуя, как складывалось взаимодействие пись-

³¹ См. G. Bertoni, *Profilo linguistico d'Italia*, Modena, 1941, стр. 9—10.

³² «*Letteratura e vita nazionale*», стр. 138.

³³ Там же, стр. 167.

³⁴ См. Р. Вигано, *Товарищ Аньезе* [перевод с итальянского], М., 1954, стр. 193.

³⁵ «*Il materialismo storico...*», 1948, стр. 5.

менного, литературного языка и устной народной речи в специфических исторических условиях формирования итальянской нации. В одном из писем тюремного периода Грамши набрасывает сжатую картину исторического развития итальянского языка, подчеркивая рано наметившийся и медленно преодолевающийся отрыв литературного языка от устной речи народа, отрицательно сказавшийся на развитии национальной общности языка в Италии: «...письменный язык (так называемый среднелатинский, т. е. латинский письменный V—XII вв.) совершенно оторвался от разговорного языка народа, который после прекращения римской централизации раздробился на бесчисленные диалекты. На смену этому среднелатинскому пришел народный (volgare), который был вновь захлестнут гуманистической латынью, уступая место ученому языку — народному по лексике, но не по фонетике и еще менее по синтаксису, воспроизведенному с латинского...»³⁶.

В течение длительного периода, даже после завершения процесса развития итальянского языка из народной латыни (X в.), письменным, литературным языком в Италии был так называемый «среднелатинский». Представляя собой кристаллизованную литературную латынь, он был понятен и доступен только образованным слоям. В отличие, например, от Франции, где уже с IX в. проповеди читались на народном языке (решения Турского и Реймского соборов), в Италии — резиденции папства — языком проповедей и религиозной литературы вплоть до середины XIII в. был «среднелатинский». (Грамши отмечает, что «употребление латыни как ученого языка было связано с католическим космополитизмом».) Это обстоятельство тормозило развитие культурной общности народа и общности его языка. «Во всяком случае, можно сказать, — пишет Грамши, — что в Италии, начиная с VII в., когда, как можно полагать, народ уже перестал понимать латынь ученых, и вплоть до 1250 г., когда начинается расцвет народного языка, т. е. более 600 лет, народ не понимал книг и не мог принимать участия в культурной жизни»³⁷.

Народные языки становятся письменными, когда народ приобретает значение в социально-политической жизни страны, говорит Грамши, указывая на разницу условий, в которых появились первые памятники французского и итальянского языков. Древнейший памятник старофранцузского языка, так называемая «Страсбургская клятва» (842 г.), закреплявшая раздел империи между внуками Карла Великого, отразил ту большую роль, которую сыграл народ в политике Каролингов в один из решающих моментов в образовании особого французского государства. Первые памятники письменного итальянского языка носили иной характер. Они появились в период образования городов-государств, коммун, в которых развивались раннекапиталистические отношения, т. е. были связаны с процессом развития новых, передовых экономических отношений в недрах феодального строя. Однако они не имели «народно-национального» значения в силу того, что в итальянском обществе эпохи коммун действовали диссоциирующие тенденции, связанные с экономико-муниципальным строем, местным партикуляризмом, враждой городов и т. д. «Первые документы на народном языке в Италии, — отмечает Грамши, — это либо клятвы, закрепляющие право собственности монастырей на определенные земли³⁸, либо такие надписи, которые носят антинародный характер („Traite, traite, fili de putte“)³⁹.

Итальянский письменный язык развивается вместе с развитием народно-еретических движений в коммунах, с которыми связано зарождение новой культуры. Грамши особенно подчеркивает тот факт, что народный письменный язык приобретает значение как литературный язык впервые в Ломбардии⁴⁰ в середине XIII в. (Угуччоне да Лоди и другие ломбардские поэты): здесь он развивался на почве, подготовленной так называемой патарией — народно-еретическим движением беднейших слоев городского населения Ломбардии, в особенности Милана, в XI—XII вв., направленным против космополитических сил средневековья — церкви и империи. Еретические движения, которыми сопровождалось рождение и развитие коммун, противодействовали римско-католической, космополитической в своей основе, культуре с ее ученым латинским языком и способствовали развитию новой культуры, опирающейся на народный язык.

³⁶ «Lettere dal carcere», 2-е ed., 1948, стр. 103—104.

³⁷ «Gli intellettuali...», 1949, стр. 22.

³⁸ Древнейший из них относится к 960 г. (клятвы свидетелей, подтверждающие права ордена св. Бенедикта на спорный участок земли, входящий в состав монастырских владений в Канье).

³⁹ «Il Risorgimento», 1949, стр. 22. Грамши приводит здесь по памяти часть надписи, сделанной на фреске из базилики св. Климента в Риме (конец XI в.), на которой изображено, как рабочие переносят колонну. Распорядитель работ кричит: «Falite dereto codo palo, Carvuncelle! Albertel trai! traite fili de putte!»

⁴⁰ В данном случае Грамши не касается Спиллии, где первые литературные произведения на народном языке относятся к первой половине XIII в.: в Сицилии была монархия (Фридрих II). Грамши говорит о характерной для Италии сфере коммун с их экономико-муниципальным государственным строем.

Однако в силу отсутствия объединяющего фактора в жизни государства и, наоборот, наличия диссоциирующих тенденций, действующих в итальянском обществе, развитие этой новой культуры, которая должна была иметь «национальное» содержание и значение, происходило и могло происходить только на базе отдельных диалектов.

Только итальянская буржуазная историография с ее националистической риторикой могла утверждать, что культурная общность существовала в Италии уже в эпоху образования коммун. Грамши указывает на несостоятельность такого утверждения, искажающего и картину развития итальянского литературного языка: «Культурная общность не была заранее данным фактом, совсем наоборот! Существовала „европейская культурно-католическая всеобщность“, и новая цивилизация противодействовала этому универсализму, базой которого была Италия, с помощью местных диалектов, выдвигая на первый план практические интересы муниципальных групп буржуазии»⁴¹. Новая цивилизация «рождается как „диалектальная“, и ей придется ждать высшего расцвета Тосканы в XIV в., чтобы унифицироваться, до известных пределов, лингвистически»⁴². Создание во Флоренции *volgare illustre* «дало известное единство народному языку». Но исторические условия, в которых развивался *volgare illustre*, были крайне противоречивы и во многом неблагоприятны для него: Италия представляла собой, по выражению Грамши, «парадоксальную страну — одновременно самую юную и самую старую».

Буржуазия итальянских коммун раньше и быстрее, чем буржуазия других западноевропейских стран, добилась полной экономической автономии, но лишь в узких пределах муниципального государства. Она «не смогла выйти за пределы средневекового феодализма, который последовал за феодальной анархией, существовавшей до XI в., и на смену которому пришла абсолютная монархия в XV в., существовавшая вплоть до французской революции. Органический переход от коммун к строю, который уже не является феодальным, имел место в Нидерландах, и только в Нидерландах. В Италии коммуны не сумели выйти за пределы корпоративной фазы...»⁴³. Средневековый муниципальный партикуляризм не был ликвидирован, единое национально-территориальное государство не было создано. Политическое мышление итальянской буржуазии оставалось в плену средневекового универсализма. Защищая против империи свои муниципальные вольности, гвельфы — правящая партия коммун — действовали как «национальный элемент», но, как это отмечал еще К. Маркс, они «противопоставляли императору христианский мир как своего рода республику, во главе которой стоит папа»⁴⁴. С этим, естественно, была несовместима постановка проблемы единого территориального государства в плане развивающихся «национальных» интересов. Муниципальный партикуляризм и католический космополитизм были внутренне связаны друг с другом. «У итальянцев, — подчеркивает Грамши, — традиция римского и средневекового универсализма препятствовала развитию национальных (буржуазных) сил за пределами чисто экономико-муниципальной сферы, т. е. национальные силы не стали национальной силой...»⁴⁵ Итальянская буржуазия не смогла создать «своей собственной полной государственной цивилизации», ее политическая программа была узкой, ограниченной. В частности, ей не удалось создать достаточно широкий и развитый слой новой интеллигенции и ассимилировать «старую», «традиционную» интеллигенцию. В период абсолютистских монархий, когда буржуазия других стран «бурно включалась в государственную структуру с объединительной тенденцией»⁴⁶, итальянская буржуазия продолжала оставаться в пределах той фазы феодализма, которая предшествовала образованию абсолютных монархий. В этом смысле Италия и была «самой старой». Конечно, процесс развития культурной общности шел и в этих условиях. В работе «Рисорджименто» Грамши отмечает, что сознание «культурного единства» существовало в среде итальянской интеллигенции по крайней мере с XIII в., с тех пор как получил развитие унифицированный литературный язык, дантовский *volgare illustre*.

В XIV в. Флоренция осуществляла культурную гегемонию, и *volgare illustre* являлся средством ее развития. Итальянский литературный язык одержал большие победы над латынью. Еретические движения в коммунах, направленные против церкви, подготовили полный разрыв некоторых писателей с латынью. Грамши пишет, что наиболее решительные среди них, такие, как поэт и философ Гвидо Кавальканти, отдавали себе отчет в этом историческом разрыве. Флорентийские поэты не только писали по преимуществу на *volgare illustre*, но и теоретически старались утвердить его в качестве языка науки и литературы. Флорентийский диалект лег в основу итальянского литературного языка, и это имело большое значение для развития общности языка в Италии.

⁴¹ «Il Risorgimento», 1949, стр. 29.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 18.

⁴⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 140.

⁴⁵ «Il Risorgimento», 1949, стр. 127.

⁴⁶ Там же, стр. 2.

Но Грамши предостерегает от переоценки этого факта: выдвижение флорентийского диалекта, одержавшего победы над латынью и сообщившего известное единство итальянскому языку, «не сопровождалось социально-политической гегемонией Флоренции и поэтому осталось в границах чисто литературного факта»⁴⁷. Анализируя лексику и грамматический строй *volgare illustre*, Грамши отмечает, что этот литературный язык не давал полного отражения грамматического строя развивающегося итальянского языка, как он сложился в устной речи флорентийского диалекта: «Но что представляет собой этот *volgare illustre*? Это флорентийский по словарю, а также по фонетике, но латинский по синтаксису»⁴⁸.

В разработке *volgare illustre* принимал участие большой слой «старой» интеллигенции, и это особенно сказалось на синтаксисе, который во многом воспроизводил синтаксис «среднелатинского». С другой стороны, *volgare illustre* не мог приобрести широкого территориального распространения и осуществлять свое унифицирующее воздействие на другие диалекты Италии. В условиях муниципального партикуляризма *volgare illustre* наталкивался на сопротивление различных диалектов, получивших закрепление в письменности. По этому поводу Грамши пишет: «В полном, всестороннем анализе необходимо учитывать и другие моменты, и мне думается, что националистическая риторика прошлого века и укоренившиеся по ее вине предрассудки не могли привести даже к предварительным изысканиям по целому ряду вопросов. Так, какова была точная область распространения тосканского? Например, в Венеции, по-моему, уже был введен итальянский, разработанный учеными по латинскому образцу, и никогда не имел туда доступа исконный флорентийский (в том смысле, что флорентийские купцы никогда не давали знать о себе живой флорентийской речью, как в Риме и Неаполе, например): языком управления продолжал оставаться венецианский. Также и в других центрах (Генуя, думается мне). В этом смысле истории итальянского языка еще не существует...»⁴⁹ В последнем замечании Грамши содержится косвенное указание на слабое место в работе итальянских лингвистов-компаративистов, которые уделяли недостаточно внимания связи истории языка с конкретной историей общества.

С XIV по XVI в., пока Флоренция могла осуществлять культурную гегемонию, итальянский литературный язык сделал известные успехи в своем распространении. В этот период он развивается и обогащается, питаясь устной речью народа. «Вилоть до XVI в. Флоренция осуществляет гегемонию в области культуры, связанную с ее торговой и финансовой гегемонией (папа Бонифаций VIII говорил, что флорентийцы были пятым элементом мира), и идет процесс унитарного развития языка снизу — от народа к образованным лицам, развития, усиленного великими флорентийскими и тосканскими писателями. Со времени упадка Флоренции итальянский становится все более языком замкнутой касты, лишенным живого контакта с исторической разговорной речью»⁵⁰.

С другой стороны, в период образования и укрепления тираний, вместе с развитием кастовых тенденций в гуманистической культуре, вновь приобретает силу латинский язык. На этот раз это была уже гуманистическая латынь, отличная от «среднелатинского», представлявшая собой возрожденную форму классической латыни. Гуманистическая латынь не могла вытеснить итальянский литературный язык, но, несомненно, тормозила его развитие.

В период существования тираний и сирий и последующего иностранного господства Италия попрежнему продолжала оставаться раздробленной. При отсутствии абсолютной монархии, которая в других странах Западной Европы способствовала преодолению средневекового партикуляризма и созданию единого территориального государства, в Италии процесс экономической и политической концентрации в масштабах целой страны не мог иметь место, и это отражалось на развитии общности языка, в частности на состоянии литературного языка, отрыв которого от устной речи народа продолжал углубляться. Решение «вопроса о языке» гуманистом Bembo, пуризм Академии делла Круска не только отражали это положение, но во многом старались оправдать процесс кристаллизации, развивавшийся в итальянском литературном языке⁵¹.

Ослабление католической церкви, благоприятное для Италии изменение международной обстановки в середине XVIII в. (взаимное ослабление Австрии и Франции) способствовали развитию в Италии капиталистических отношений. Развитие капита-

⁴⁷ «Letteratura e vita nazionale», стр. 204—205.

⁴⁸ «Il Risorgimento», 1949, стр. 29.

⁴⁹ «Gli intellettuali...», 1949, стр. 23—24.

⁵⁰ «Letteratura e vita nazionale», стр. 168.

⁵¹ Грамши указывает на различие между Академией делла Круска и Французской академией языка, основанной Ришелье: «Круска» была подобна педанту, который не устает следить за правильностью собственного языка. — Французская академия рассматривала язык как «народно-национальную первооснову единства французской цивилизации» и поэтому сыграла большую роль в организации французской культуры (см. «Gli intellettuali...», 1949, стр. 130).

листических отношений настоятельно требовало создания единого рынка, государственного сплочения территорий страны. Во второй половине XVIII в в Италии начинается движение за воссоединение и национальную независимость, завершившееся в 1871 г. полным освобождением страны и созданием итальянского национального государства. Это был один из важнейших периодов в образовании итальянской нации, в развитии ее культурной общности и общности языка. Государственное сплочение территорий страны создавало базу для дальнейшего развития итальянского национального языка, для его распространения.

В эпоху Рисорджименто итальянский литературный язык преодолел в известной степени свой отрыв от устной народной речи, как это можно видеть, в частности, по знаменитому роману Манцони «Обрученные», являющемуся большим вкладом в развитие современного итальянского литературного языка. В трудах того же Манцони «вопрос о языке» получает в этот период и новое теоретическое разрешение: Манцони исходит из потребности общества в едином языке и ставит вопрос о средствах его распространения, о сближении литературного языка с устной народной речью, о закреплении в литературе общенациональных норм. Все это отвечало интересам формирующейся нации: устранение всяких препятствий развитию единого национального языка и закреплению его в литературе является, по определению В. И. Ленина, одним из условий полной победы товарного производства, окончательного торжества капитализма над феодализмом, одним из условий успешного развития нации⁵². Манцони хорошо сознавал общественное значение единого национального языка: «От того, будем мы или нет иметь общий язык, зависит наше превращение в единую нацию»⁵³, — писал он.

Связывая «вопрос о языке» с историей общества, с развитием нации, Манцони становился на правильный путь. Итальянские неолингвисты-«идеалисты» объявили этот путь ошибочным и старались дать новое, ложное направление решению «вопроса о языке», сводя его к задачам эстетического использования языка в художественной литературе, как это делали Кроче, Бертони, Альфредо Скьяффино. В своей постановке «вопроса о языке» Грамши шел по тому пути, который был намечен Манцони, хотя представления филолога-марксиста о развитии общества, нации, с одной стороны, и о законах развития языка, с другой, естественно, имели иную методологическую базу. Подходя исторически не только к «вопросу о языке», но и к истории этого «вопроса», Грамши дает правильную оценку работам Манцони, рассматривая их одновременно с лингвистической точки зрения и с точки зрения их роли в культурно-национальной политике буржуазии эпохи Рисорджименто. Связывая проблему языка с состоянием и потребностями развития итальянского общества, формированием нации, Манцони при этом не всегда оставался на почве историзма, а также не мог охватить в своих исследованиях языка в целом, всех его областей, не учитывал особенностей и неравномерности их развития. В своих работах, посвященных вопросу о единстве языка⁵⁴, Манцони ограничивается обычно проблемами лексики и почти не касается вопросов синтаксиса и вообще грамматического строя.

Грамши отмечает, что «Манцони при переделке „Обрученных“ и в своих работах об итальянском языке, действительно, принимал во внимание только один аспект языка — лексику и не считался с синтаксисом, который, однако, является существенной частью всякого языка...»⁵⁵. Решить вопрос о взаимодействии литературного языка с устной диалектной речью при таком ограниченном подходе к языку было невозможно, и Грамши несколько раз указывает на этот существенный недостаток лингвистических работ Манцони. Манцони оказался также не в состоянии правильно связать вопрос о «средствах распространения» единого языка с конкретными историческими условиями развития итальянской нации, полагая, что Флоренция можно вернуть роль культурного центра посредством правительственного декрета и что как только это будет сделано, она вновь станет основным очагом распространения общенациональных норм языка, как это было в XIV—XVI вв. Несостоятельность подобного рода расчетов Манцони была отмечена еще итальянским лингвистом Г. И. Асколи (1829—1907).

Грамши показал, что и в эпоху Рисорджименто итальянская буржуазия не смогла полностью преодолеть своего «корпоративизма» и организовать политическое и культурное руководство широкими народно-национальными массами в борьбе за независимость и объединение страны, в борьбе против феодализма. Поэтому она не выполнила своей исторической функции в формировании нации и национального государства⁵⁶.

«Буржуазия, — писал Ф. Энгельс, — придя к власти в период борьбы за национальную независимость и позднее не могла и не хотела довести свою победу до конца. Она не разрушила остатков феодализма и не реорганизовала национального производства на

⁵² См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

⁵³ S. G e n n a g o, указ. соч., стр. 39.

⁵⁴ «Письмо по поводу словаря» (1862), адресованное Руджиеро Бонги; письмо к пьемонтскому академику Джачинто Карена, составившему на основе норм флорентийского диалекта «Словарь разговорного языка», и др.

⁵⁵ «Lettere dal carcere», 2-е ed., 1948, стр. 104.

⁵⁶ Грамши исследует этот вопрос в своей работе «Рисорджименто».

современный буржуазный лад. Неспособная предоставить стране относительные и временные выгоды капиталистического порядка, она взвалила на нее всю тяжесть, все трудности последнего»⁵⁷.

Италия была объединена, но, как показал Грамши, объединена «не на базе равноправия, а на базе господства Севера над Югом». Юг и острова (Сицилия и Сардиния) были обречены на прозябание, на экономическую и культурную отсталость. «Господство Севера над Югом, — отмечает Грамши, — было бы „нормальным“ и исторически благоприятным, если бы промышленность имела способность расширять с определенной периодичностью свои рамки, охватывая все новые и новые ассимилированные ею экономические зоны. Тогда это господство было бы выражением борьбы между старым и новым, отсталым и передовым, между более высокой производительностью и производительностью более низкой. В этом случае имела бы место экономическая революция национального характера (и национального размаха)... Но этого как раз и не произошло»⁵⁸.

Рисорджименто, таким образом, не смогло заложить необходимой основы для дальнейшего успешного развития итальянского национального языка. Контраст в экономическом развитии отдельных областей страны, углубившийся в период империализма, помогал местным диалектам сохранять свою устойчивость. Исторически сложившийся отрыв итальянской интеллигенции от народа не был полностью преодолен, а в условиях империализма еще более углубился. Проблема национального языка продолжала стоять с прежней остротой.

Постановка и решение этой проблемы в «Тюремных тетрадах» Грамши были самыми глубокими и всесторонними в итальянском языкознании как в лингвистическом отношении, так и в отношении культурно-национальном и политическом. В связи с этим большой интерес представляют «заметки» Грамши о грамматике, собранные в специальном разделе его работы «Литература и национальная жизнь» — «Национальный язык и грамматика». Какую роль играет изучение грамматики в распространении норм единого общенационального языка? — этот вопрос стоит в центре «заметок», входящих в указанный раздел. Многие неолингвисты-«идеалисты» игнорировали нормативную грамматику, с которой не могла согласоваться их индивидуалистическая концепция языка. Фашистский философ Джентиле прямо отрицал полезность нормативной грамматики и настаивал на исключении ее из школьной программы. Грамши защищает нормативную грамматику как необходимое средство развития общности языка и национальной культуры. «Грамматика — „история“ или „исторический документ“, — пишет он. — Это „фотография“ определенной фазы национального (коллективного) языка, исторически сложившегося и находящегося в непрерывном развитии, или основные черты этой фотографии»⁵⁹. Он настаивает на необходимости единой нормативной грамматики, «которая стремится охватить всю национальную территорию и всю „сферу языка“ — чтобы упорядочить его в унитарно-национальном плане; вместе с тем это поднимает на более высокий уровень и „индивидуальные“ выразительные возможности, поскольку создает более мощный и однородный костяк национального языкового организма, коего всякий индивид является отражением и истолкователем»⁶⁰. Нормативная грамматика имеет особенное значение для культурного развития широких народных масс: «Если грамматика исключена из школы и „не пишется“, она этим не исключается из реальной „жизни“... Исключается лишь организованное в унитарном плане вмешательство в усвоение языка и в действительности отстраняется от усвоения культурного языка народно-национальная масса...»⁶¹.

К проблеме языка имеют непосредственное отношение и многочисленные «заметки» Грамши по вопросам стилистики. Он неустанно боролся против националистической риторики, порождающей формалистическую изощренность, «стилистическое липемерие» и т. п., разведавшие итальянский литературный язык, который «слабо питается в своем развитии народным языком»⁶². Вопрос об общенародности литературного языка Грамши связывал с проблемой народности итальянской литературы; эта проблема в «Тюремных тетрадах» также впервые ставится и решается с марксистских позиций.

Лингвистические «заметки» Грамши рассеяны в шести томах его философских и исторических работ, и только часть их собрана в специальных разделах и рубриках. В сумме своей они дают, однако, цельную, глубокую и всестороннюю постановку проблемы итальянского национального языка, имеющую большое методологическое значение. Систематизированное изложение и анализ содержания лингвистических «заметок» Грамши является необходимым предварительным шагом к их углубленному изучению.

Э. Я. Егерман

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 377.

⁵⁸ «Il Risorgimento», 1949, стр. 210.

⁵⁹ «Letteratura e vita nazionale», стр. 197—198.

⁶⁰ Там же, стр. 199.

⁶¹ Там же, стр. 204.

⁶² «Gli intellettuali...», 1949, стр. 48.